

КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

ОНА НЕ ЛЮБИТ СЛОВО «ЗВЕЗДА», НЕ ЛЮБИТ ДАВАТЬ ИНТЕРВЬЮ И ВСЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ ПОСВЯЩАЕТ ДЕТЯМ. СВОИМ ДВУМ ДОЧКАМ И ДРУГИМ — ТОЖЕ СВОИМ, ТЕМ, КТО НУЖДАЕТСЯ В ЕЕ ВНИМАНИИ И ЗАБОТЕ. ПО СЛОВАМ ЧУЛПАН, ФОНД «ПОДАРИ ЖИЗНЬ» СПАС ЕЕ ОТ ТВОРЧЕСКОГО КРИЗИСА — ЗАСТАВИЛ ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ НУЖНОЙ, ПРИЧЕМ ИМЕННО В ЭТОМ КАЧЕСТВЕ — ВСЕНАРОДНОЙ ЛЮБИМИЦЫ. НО ДЛЯ ИЛЬИ АВЕРБУХА ОНА СДЕЛАЛА ИСКЛЮЧЕНИЕ — НАШЛА ВРЕМЯ ДЛЯ РАЗГОВОРА ОБО ВСЕМ: О ФОНДЕ, О «ЛЕДНИКОВОМ ПЕРИОДЕ», О ЖИЗНИ И О СОБСТВЕННОМ НЕПРОСТОМ ХАРАКТЕРЕ...

тот номер журнала выходит в марте, а март — это весна и, конечно, Международный женский день.

Сам я, честно говоря, плохо отношусь к такого рода праздникам — и женскому дню, и мужскому. Не понимаю, почему именно 8 марта мужчины должны вспоминать о своих любимых женщинах и дарить

им цветы и подарки. Это можно сделать в любой другой день!

Совершенно согласна — это глупость! Женский день придуман для лиллипутов — мужчин, которым в остальное время их женщины безразличны. Им навязали этот день, чтобы они хоть раз в году купили букет цветов и бутылку шампанского! Конечно, это бред полный — все, включая День святого Валентина! Я предпочитаю тихие домашние праздники, когда за столом собирается вся семья.

То есть, принимая в день 8 марта букет, ты не испытываешь трепета?

Конечно, этот букет не радует так, как подаренный от души или порыва чувств — без всякого повода.

Тебе не кажется, что современные женщины стали дружимы? Вообще как ты относишься к эмансипации?

Каждый отрезок времени создает своих героев и героинь, ничего страшного в этом нет. Придет время, и женщины станут точно такими, какими были столетия назад. История развивается по спирали. Мы ходим по кругу, и ничего нового в человеческих отношениях придумать не можем. Рано или поздно все вернется на круги своя — так же, как возвращается мода. Когда эмансипация дойдет до пика своего развития (как это произошло в Германии, когда при протянутой руке женщина давала пощечину), начнется обратный отсчет. В Германии он уже начался.

Я знаю, что своих дочерей ты воспитываешь в строгости — к примеру, запрещаешь им смотреть телевизор...

Разве это строгость? Я не даю им смотреть телевизор, потому что в нашем телевидении нет ничего хо-

рошего. Они смотрят мультики и фильмы, которые я им ставлю. Мы вместе ходим в кино. Телевизор я и сама не смотрю: устаю от него информационно и эмоционально. Почему-то решили, что кто-то как-то должен выглядеть, как-то одеваться, как-то говорить... Это все попадает в наивные детские головки и там откладывается. Старшая дочь (ей шесть лет, младшей — пять) уже сказала мне, что хочет быть механиком, чтобы носить меха! Я таким образом берегу их от социумных клише. Сама ненавижу ходить строем и носить одинаковую одежду и дочерям пытаюсь привить то же самое.

А еще чему ты их учишь?

Учу, что у нас в семье не должно быть хамства — все можно решить спокойно, не повышая голоса. Учу договариваться, уступать друг другу; если попросили игрушку — отдать, даже если знаешь, что отдаешь навсегда. Учу проигрывать. Стараться делать лучше, но если что-то не получилось, принять это, а не биться в истерику и не плакать. Учу понимать неоднозначность жизни. Тому, что нет правых и виноватых, — у каждого своя правда, любую ситуацию можно рассмотреть с разных точек зрения. Учу их никогда не жаловаться.

Они знают, что их мама — знаменитость?

Вот об этом я действительно строго с ними разговариваю. То, что мама — публичный человек, не дает им права чувствовать себя особенными детьми. Куда бы мы ни пришли, в любое общественное место, их сразу же начинают фотографировать! Они это ненавидят! Конечно, мне бывает приятно, когда девочки приходят на спектакль, и им нравится, когда они мною гордятся. Но чувство собственной исключительности только потому, что я снимаюсь для журналов и периодически мелькаю по телевизору, у них не должно появиться. Время покажет, насколько убедительно я им объясняю это.

Ты знаешь, как сложно начинать все с нуля. Часто в жизни приходилось это делать?

Приходилось, конечно. Выбор профессии стал для меня как раз таким шагом — интуитивным, неосознанным. Учась в математической школе, я поняла, что хочу стать актрисой, все бросила и поступила в Казанское театральное училище. Я тогда не понимала, в чем заключается профессия, но она манила меня, было в ней что-то родственное... В этом смысле я не искала свою профес-

сию — она сама меня нашла! До сих пор удивляюсь тому, что у меня есть возможность играть с такими потрясающими актерами, как, например, Женя Миронов. Порой смотрю на него и думаю: рядом стоит — живой, необыкновенный, любимый! И конечно, фонд «Подари жизнь» сильно изменил мое мироощущение. Три с половиной года назад никто и подумать не мог, во что это выльется! Свою жизнь надо творить. Нельзя говорить, что правительство ужасное, соседи — уроды, и вести себя

«СОСТОЯНИЕ ПУБЛИЧНОГО ОДИНОЧЕСТВА СВОЙСТВЕННО ВСЕМ АКТЕРАМ ВООООЩЕ»

*Каждый отрезок
времени создает
своих героев
и героинь — ничего
страшного в этом
нет. Придет
время, и женщины
станут точно та-
кими, какими были
сто лет назад.*

так же — воровать, хамить, жить для себя, потому что жизнь коротка. О жизни нельзя говорить плохо, она прекрасна, ее надо любить.

А ты любишь мир вокруг — это правительство и этих людей, которые хамят и воруют?

Да. Может быть, не сразу, но я могу их понять и простить. Уверена, что в другой ситуации они поведут себя по-другому. У каждого человека есть кнопка, и если на нее нажать, он распустится как цветок. Он живет в круговороте неприятностей, как ему кажется, потому и придумал себе такое средство защиты. Злых людей не бывает, сказал Михаил Булгаков, никто не рождается злодеем. Столкнувшись с настоящей бедой, ни один человек не останется равнодушным. Есть, конечно, психопатические уроды, на которых ничто не действует, но это уже из области медицины.

А если бы сейчас тебе пришлось начинать с нуля?

Ну, может, не прямо сейчас, а завтра или через месяц — как бы ты к этому отнеслась?

С огромным удовольствием! Правда, есть один сдерживающий фактор — такое понятие, как ответственность. Я не могу сейчас уже бросить фонд. В качестве известной актрисы у меня есть возможность достучаться до тех, кто не будет слушать простого человека с улицы. Конечно, я бы хотела начать с нуля. Это очень заманчивое, теребящее душу состояние, но я от него отмахиваюсь. Когда хочешь и не можешь, это мучение. Это непродуктивно для жизни. Посмотрим, как она сложится в дальнейшем... У меня есть множество мыслей по поводу того, чем бы я могла еще заняться. В любом случае я не хочу до старости оставаться актрисой.

Я слышал, что режиссеры часто жалуются на твой характер.

Когда рядом со мной профессиональные люди, когда меня не обманывают, я шелковая! А когда обманывают, что поделаешь? Приходится спорить. Мне кажется, я не выделяюсь из массы актеров в сторону каких-то капризов и протеста. По крайней мере стараюсь вести себя скромно. Но почему-то меня все бояться! Алвис Херманис который поставил «Рассказы Шукшина» в Театреаций и в которого я влюбилась на первой же репетиции, боялся очень долгое время. Считал, что у меня кот в мешке за пазухой! На самом деле это не так. Просто иногда, когда я понимаю, что мир не такой, каким бы мне хотелось его видеть, не выдерживают нервы. Я не успеваю выдохнуть и совершаю неправильные поступки, не так разговариваю.

Каким бы тебе хотелось видеть этот мир?

Чтобы люди не обижали друг друга. Чтобы поняли, наконец, что прожить эту короткую жизнь надо в гармонии, красоте, мире и согласии. По крайней мере без хамства точно можно обойтись, я в этом уверена!

Но мне кажется, что расшатанная нервная система — это плюс для актера. Разве не так?

«Я ДУМАЛА: ТЕАТР — ЭТО ВСЕ. НЕ ЗНАЛА, ЧЕМ ЖИВУТ ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ»

Не совсем верная формулировка. Нервная система должна быть не расшатанной, а подвижной. Актер-неврастеник, мне кажется, будет неинтересен на сцене. Нервная система — это мышцы, и они, как у балетных артистов, должны быть натренированы. Расшатанная нервная система — это клинический случай.

Надо уметь переключиться. В театральном институте есть упражнение — малый круг внимания и большой. Малый круг внимания — это значит, надо услышать все, что происходит в комнате. Кто-то дышит, кто-то чем-то скрипит... А большой круг — значит, услышать улицу. Так же и в жизни: если ты не в состоянии справиться с ситуацией, нужно перейти с одного объекта внимания на другой. Очень помогает. По крайней мере я так делаю всегда.

Я заметил, что при любом, даже плотном общении ты сосредоточена на чем-то еще. Бывало так, что мы разговариваем, и вдруг я замечаю, что ты уже в другом месте, не здесь...

Это потому, что мне в одно мгновение нужно решить несколько вопросов. Начинаю думать, анализировать и ухожу из внешнего мира во внутренний... Но это происходит не потому, что мне неинтересно, — мне было очень интересно на проекте! Это одно из великих событий в моей жизни, я получила колоссальное удовольствие. Такой, видно, у меня характер — могу, беседуя с кем-то, вдруг вспомнить, что не сделала важный звонок. И эта тревожная мысль начинает пульсировать во мне одновременно с разговором. Это состояние публичного одиночества свойственно всем актерам, вообще всем творческим людям. Именно в такие моменты полуточки приходят гениальные решения. Как говорит мой друг, это форма шизофрении. Ты находишься где-то между двумя мирами, ни в том и ни в другом целиком не присутствуешь.

Катаясь в «Ледниковом», я параллельно снималась в фильме «Бумажный солдат» и периодически, делая что-то, понимала, что вот этот момент жизни я могу использовать в своей работе. Поэтому и отключалась. Я хочу извиниться перед тобой за эти моменты и сказать, что ты, Илья, тоже не всегда присутствуешь в разговоре!

Я посмотрел «Бумажного солдата» в первую очередь потому, что мне было интересно, чем же ты тогда занималась, куда спешила и где блуждали твои мысли во время наших разговоров.

При этом на съемках, во время разговоров с режиссером бывало, что мои мысли точно так же

блуждали далеко от того места, потому что я думала о «Ледниковом периоде»!

Иногда мне кажется, что я совершенно тебя не знаю. Ты вроде бы с нами и в то же время где-то там, сама с собой — тайная, загадочная, закрытая... Как ты относишься к публичности — тебе это нравится или это тебя тяготит?

Когда я шла в профессию, публичность не брала в расчет. Мне хотелось, чтобы люди, приходя на спектакль, задумывались о том, кто они, как живут. Я была наивной, романтичной, но чистой и искренней в своих проявлениях. Спектакли Казанского ТЮЗа так на меня действовали, мне тоже хотелось врачевать души. Я не была готова к публичности — не знала, что с ней делать. Потребовалось очень много времени, чтобы принять ее и привыкнуть к ней. И все равно по сей день продюсеры вписывают в контракт количество интервью и фотосессий для Хаматовой! Потому что знают: я этого страшно не люблю и делаю только ради конкретного человека или фонда «Подари жизнь». В этом смысле я счастливо чувствую себя за границей, где меня никто не знает и не нарушает мое личное пространство. Там мой внутренний мир — только мой и ничей больше.

Ты прожила в театре и в кино не одну жизнь и многое можешь предугадать — как поступит тот или иной человек, что скажет, как будет развиваться ситуация... Не становится скучно жить?

Это, Илья, называется опыт! Он накапливается не только у людей творческих профессий. Мы просто становимся старше и умнее. Но вдруг появляется человек, который поступает иначе, не по просчитанному, и дарит тебе нетривиальные, неожиданные моменты...

Такие люди еще есть?

Обязательно! Ты думаешь, что сейчас будет так, как обычно, так, как ты уже привык, — а человек поступает совершенно по-другому! Ты думаешь, он обидится, а он — раз! — и не обижается...

Судьбы твоих героинь не мешают тебе жить?

Работа актера сродни психоанализу — берешь характер и препарировешь его. А моя жизнь — это моя жизнь. Как она может пересечься с судьбами людей, которые совершенно на меня непохожи?

В этом смысле мне очень помог фонд. Раньше я думала, что театр — это все. Не понимала, чем живут обычные люди. Чем вообще можно жить, кроме творчества? Конечно, семья, конечно, любовь... Но как можно работать в магазине или на предприятии? Чем живет обычный человек, я не знала. Но, познакомившись с детьми, их мамами и врачами, я поняла, насколько заблуждалась. Мир распахнулся передо мной!

Знаю, что ты не любишь кино. Почему? Предлагают неинтересные роли?

А его никто не любит! Нет таких актеров, которые любят кино. Актер кино — очень зависимая профессия. Редко попадается режиссер, которому можно довериться. Очень редко, особенно актрисам, предлагают интересные роли. В кино их просто нет! В театре все

У меня есть множество мыслей по поводу того, чем бы я могла еще заняться. В любом случае я не хочу до старости оставаться актрисой.

Фото:
Ольга Лавренкова
Стиль:
Светлана Гуськова
Визаж:
Лариса Кузнецова,
Марина Сафронова
Одежда:
Natalya Valevskaya,
бутик «Наряд»
Продюсеры:
Мария-Анна
Кожина,
Лола Ерощенко

намного проще — можно сыграть и старуху, и девочку, и мальчика, и песика — кого хочешь! В кино такой возможности нет.

Такое чувство, что ты переросла профессию... Это что, творческий кризис?

Да. Кризис среднего возраста!

Он бывает у мужчин, а не у женщин.

Значит, я неполноценная женщина. Мне тридцать три года, и я часто оборачиваюсь назад и смотрю, что сделано, что не сделано...

Сколько было компромиссов в моей жизни, сколько нечестностей по отношению к профессии или к самой себе... К счастью, у меня есть фонд «Подари жизнь», который дает мне ощущение нужности. Я понимаю, что от моей работы зависят судьбы детей и целых семей. Потому и кризис дается мне легче, чем другим. В общем, ты прав. Не могу сказать, что я переросла профессию, но ощущение бега на месте присутствует. Хотя в последних работах, в спектакле «Рассказы Шукшина» и в том, что я делаю с Аллой Сигаловой, такого ощущения нет. Я до них еще не доросла — задел, куда расти, есть! А значит, и профессия у меня потрясающая — в случае, если дадут возможность быть художником. Когда используют как кисточку — конечно, скучно...

Мы, спортсмены, выросли в духе соперничества. Нам нужно победить, встать на первую ступень пьедестала и получить золотую медаль. Понятно, что в актерской профессии соревнования нет, и тем не менее — в тебе есть дух конкуренции? Хочется быть лучше других актрис?

Единственное, что я могу себе позволить, — это похорошему завидовать, если кто-то сыграл свою роль так, как я не сумею. Я сейчас репетирую танцевальный спектакль, где мой партнер — солист Большого театра Андрей Меркурьев. Слышу от него примерно то же самое, что мне говорил Роман Костомаров во время «Ледникового периода»: надо стараться быть лучшей, стараться быть первой! Наверное, это свойство характера связано с теми видами творчества, где велика физическая нагрузка. Когда понимаешь, что от того, как у тебя поедет конек и как ты будешь крутить пирует, зависит твое местоположение в табели о рангах, которая существует и в спорте, и в балете. У актеров такой нет. Мы можем или сыграть, или не сыграть!

Ты победила в проекте «Ледниковый период». Когда только начинала кататься, думала о том, что можешь стать первой?

«Я ЧАСТО ОБОРАЧИВАЮСЬ НАЗАД И СМОТРЮ, ЧТО СДЕЛАНО...»

В начале — нет. Когда я посмотрела на DVD все, что было в предыдущем проекте, поняла, что это совершенно невозможно! Выиграть я не могу. Они катались, как боги! Потом уже, в процессе, я думала об этом — особенно, если кто-то со стороны говорил, что мы хорошо катаемся. Я предлагала Роме: давай закончим? А он — нет, у нас есть шансы! Так что мысль эта приходила мне в голову, но не в начале. Тогда, я помню, была другая мысль: зачем я согласилась на этот позор?!

Помню, через неделю или две после того, как закончился проект, я была за границей и мне задали вопрос — кто победил? Я несколько минут не могла вспомнить кто. Алиса? Нет. Таня? Тоже нет. Да что же я, совсем с ума сошла?! И только спустя время поняла, что это были мы с Ромой! Вот такая запорошенность. А ты говоришь — победа, золотая медаль...

Медаль-то хранишь?

Медаль я подарила девочке — Даше Городковой, которая борется за свою жизнь не менее самоотверженно, чем спортсмены борются за первое место. Несмотря на страшный диагноз, она жива до сих пор — даже катается на коньках на Красной площади! Так что моя золотая медаль сейчас весит и значит намного больше, чем если бы просто хранилась у меня дома. Дети, между прочим, до сих пор вспоминают проект и, передразнивая интонацию Марика Башарова, говорят: «Чулпан Хаматова и Роман Костомаров!»

Лада Ермолинская